

Владимир Павлов

ВОВКИНЫ РАССКАЗЫ

поучительные истории
для детей

— 6+ —

Владимир Павлов

Вовкины Рассказы

<https://litres.ru/74050561>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добрые поучительные рассказы для детей и их родителей.

Главный герой — мальчик Вовка — попадает в ситуации, знакомые каждой семье: первый стыд, неловкая ложь, страх расставания и радость примирения. В этих историях нет «правильных» детей и идеальных взрослых. Зато есть живые, тёплые отношения: мама, которая объясняет, не крича, папа, который верит даже после обмана, и бабушка, чья мудрость мягче любых нравоучений.

Сборник учит главному: доверие дороже любых колец, честность спасает от настоящей беды, а родительская любовь не требует спектаклей. Для чтения вслух и разговоров по душам — без скучных нотаций, с юмором и уважением к маленькому человеку.

Содержание

КАК ВОВКА ЗМЕЯ ЛОВИЛ	4
РОЗЫГРЫШ	17
ПРИШЁЛ ЧАСОВОЙ МАСТЕР?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Павлов

Вовкины Рассказы

КАК ВОВКА ЗМЕЯ ЛОВИЛ

В тот жаркий летний месяц маленький Вовка жил в де-

ревне у бабушки Нины. А вместе с ним гостила его старшая сестра Оля, которая считала себя уже совсем взрослой, потому что ходила во второй класс.

Домик у Нины Семёновны был особенный, деревянный, из толстых брёвен-срубов. Сначала ты попадал в предбанник, где пахло старым деревом и спелыми яблоками, а лишь потом — в одну большую-пребольшую комнату. В комнате этой стояли три кровати с высокими пуховыми перинами и громадная русская печка, которая была похожа на доброго великана. Днём печка молчала, а к вечеру в ней начинало потрескивать — и тогда по всему дому разливалось тепло, густое, как коровье молоко. Всё здесь пахло уютом, печёным хлебом и чуть-чуть влажностью от старых брёвен, но это был очень хороший запах. Так пахнут только настоящие деревенские дома, в которых всё помнит — и бабушкину молодость, и папино детство.

Каждое утро бабушка Нина, у которой седые волосы были уложены гладкими волнами, а из-под платочка выбивалась длинная-предлинная толстая тёмная коса, уходила рано-рано. И возвращалась она с жестяным бидончиком парного молока, от которого ещё шёл пар, и с лукошком, полным душистой земляники.

— Вставайте, внучата, солнышко в окошке уже чай пьёт! — говорила она, и сразу начиналось самое вкусное утро на свете.

На завтрак была земляника с молоком. Бабушка насыпа-

ла в глубокие глиняные миски рубиновых ягод, посыпала их сахарным песком, а потом заливала парным белым молоком. Ох, этот волшебный запах! Смесь сладкой ягоды и утренней прохлады — он забирался в ноздри и щекотал оттуда, так что Вовка начинал улыбаться ещё до первого глотка. Он закрывал глаза и чмокал губами, пытаясь съесть всё быстрее, чтобы попросить добавки.

А ближе к обеду в тот же день приехали мама с папой! Целых два дня в доме был настоящий праздник. Папа качал Вовку на плечах, а мама заплетала Оле красивые косички. Играли в мяч, ходили на речку, а вечером устроили прятки. Вовка спрятался за печкой, думая, что он самый хитрый, но его нашли по торчащему носочку из-за кочерги. Все смеялись до слёз. И тогда Вовке казалось, что эти два дня будут длиться вечно.

Но вот наступило воскресенье, и родители стали собираться обратно в город. У мамы был грустный вид — она всё поправляла на Вовке воротник, хотя тот и так сидел ровно. Папа всё поглядывал на часы и ходил из угла в угол, как маятник.

Вовкино сердце сжалось в комочек. Он вдруг увидел, как пустеет комната без маминой улыбки, как тихо становится без папиного баса. Ещё минуту назад здесь было тесно от голосов и смеха, а теперь воздух сделался прозрачным и чужим. Ему захотелось схватить что-то тяжёлое и удержать, остановить это «скоро уезжаем».

— Не уезжайте! — всхлипнул он, уцепившись за мамину юбку.

— Вовочка, родной, нам надо на работу, — гладила его по голове мама. Её рука была тёплая, но торопливая, как будто уже наполовину уехавшая. — Мы скоро опять приедем. Ты же тут с бабушкой и Олей, тебе весело!

Но Вовке сейчас совсем не было весело. Веселье кончилось в ту самую секунду, когда папа сказал: «Ну, пора». Он

хотел, чтобы они остались прямо сейчас и навсегда. Он готов был заплакать, но вдруг его взгляд упал на палку, которая лежала у порога. Длинная, кривая, очень похожая на ту, которой папа сгребал сено.

И тут в голове у Вовки что-то щёлкнуло, как выключатель. Блестящая, как ему показалось, идея — сделать нечто такое, после чего никто никуда не уедет. Он схватил палку, выбежал на середину двора, размахивая ею, и закричал что было мочи:

— Змея! А-а-а! Большая-пребольшая змея ползёт! Спасайтесь!

Крик получился такой пронзительный, что у воробьёв на крыше переполошились крылья.

Эффект был мгновенным. Папа, который уже заводил машину, выскочил из неё, как ошпаренный. Мама, бледная от страха, бросилась к Вовке. Даже Оля, которая в это время читала на крылечке, выронила книжку — та шлёпнулась в пыль, и закладка вылетела.

— Где? Куда она поползла? — кричал папа, озираясь по сторонам. В его голосе Вовка вдруг услышал такое, чего ни-

когда раньше не замечал: страх. Настоящий, взрослый страх, который папа обычно прятал глубоко.

— Вот она! — вопил Вовка, продолжая размахивать палкой. — Я её поймал! Не подходите, она кусается!

Палка рассекала воздух, и Вовка чувствовал себя героем. Целую секунду — самую короткую и самую сладкую. А потом что-то пошло не так.

Папа подбежал ближе, присмотрелся и остановился. Он

смотрел то на Вовку, то на палку, то на его испуганное, но хитрое лицо. В папиных глазах страх таял, как утренний туман над рекой, и на его месте появлялось что-то другое. Не гнев. Разочарование. И вдруг он не засмеялся, а тихо спросил:

— Сынок, это же просто палка. Ты что, обманываешь?

В тишине, которая наступила после этих слов, Вовка услышал, как на крыше чирикнул один воробей. Потом другой. И ему показалось, что они смеются над ним.

Вовке стало страшно стыдно. Губы его задрожали, из глаз брызнули настоящие, горячие слёзы — не такие, как утром от обиды, а другие, солёные и какие-то жгучие.

— Я не хотел, чтобы вы уезжали... — прошептал он. — Вот...

Он вдруг понял, что палка — это просто палка. Змеи нет. И ничего уже не исправить. Родители всё равно уедут, но теперь они уедут расстроенными и, кажется, немножко чужими.

Мама обняла его, но на этот раз её объятия были не такие весёлые. Она прижимала Вовку к себе, но молчала. И это молчание было тяжелее любых слов.

— Вовка, — сказала она наконец серьёзно, — ты же понимаешь, мой хороший, что из-за твоего обмана мы очень испугались. Понимаешь, как это — когда кричат «змея!» и ты бежишь, а там ничего? В следующий раз ты действительно можешь увидеть змею, а мы не поверим.

Она не стала говорить про волка и мальчика, который пас овец. Но Вовка и так всё понял. Понял так, как будто ему прочитали самую страшную сказку на ночь.

Вовка всхлипнул и уткнулся носом в мамино плечо. Пахло от неё городским шампунем и немножко бензином — запахами другой жизни, в которую его пока не брали.

В это время подошла бабушка Нина. Она качала головой, и её тёмная коса колыхалась, как живая. Она не стала гово-

рить длинных слов про доброту. Только вздохнула и погладила Вовку по спине.

— Эх, внучек, — только и сказала она. — Страх — он не игрушка. Кого напугал — тому не смешно. А ты хотел, чтобы все остались. Остались бы и без змеи, если б попросил по-хорошему. Словами, а не криком.

Вовка поднял заплаканное лицо. Бабушка не ругалась, но от её тихих слов стало ещё стыднее, чем от маминых. Потому что она сказала правду — самую простую и самую горькую.

Он вытер кулачками глаза и посмотрел на папу, на маму, на строгую сестру и на мудрую бабушку.

— Простите... — сказал он тихо. — Я больше не буду. Правда. Я просто... очень не хотел, чтобы вы уезжали.

Папа улыбнулся — не сразу, а спустя долгую секунду, за которую Вовка успел испугаться, что папа больше никогда не будет улыбаться. Подхватил его на руки и крепко обнял.

— Вот и ладно! Мы знаем, что ты у нас честный. А теперь слушай сюда, — папа чуть отстранил Вовку и заглянул ему в глаза. — Мы уезжаем, но ты здесь — наш главный мужчина. Помогай бабушке, слушайся Олю. А в следующие выходные мы приедем с гостинцами. Договорились?

— Договорились! — твёрдо сказал Вовка. И в этот момент понял, что «главный мужчина» — это не тот, кто всех обманывает, чтобы удержать. А тот, кто остаётся, даже когда очень трудно.

Он махал родителям вслед до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом. Пыль осела, и стало тихо. Но уже не пусто. Потому что во дворе, жмурясь от солнца, стояла бабушка с новым лукошком земляники. А на крыльце сидела Оля, которая вдруг спросила: «Хочешь, достроим домик из кубиков?» И Вовка кивнул.

Он не забыл, как было стыдно. Не забыл мамины испуганные глаза и папино разочарование. Но он запомнил другое: можно бояться расставания, но нельзя делать больно другим

из-за своего страха. Потому что обман лечит одну беду, а порождает десять новых.

А ещё — что честное «я скучаю» всегда лучше, чем громкое «змея!». И что родители возвращаются, даже если ты их не обманываешь. Просто надо подождать. И верить.

Но об этом Вовка подумал уже вечером, когда засыпал под бабушкину колыбельную и чувствовал, как за окном шумят яблони. А до следующих выходных оставалось целых шесть

дней. Целая вечность. Но почему-то она уже не казалась такой страшной.

РОЗЫГРЫШ

На следующий год Вовке стукнуло пять с половиной, и он снова приехал к бабушке Нине в деревню. И сестра его Оля, конечно, тоже. Оле уже девять, она третьеклассница, и для Вовки она была не просто сестрой, а самым главным авторитетом на свете после папы. Потому что Оля умела свистеть в две руки так, что у соседской собаки уши закладывало. А ещё она заплетала из травы такие ирокезы — хоть на рок-концерт. И страшилки рассказывала: сидишь под одеялом, и тебе одновременно и жутко, и живот от смеха болит. Вовка слушался её беспрекословно. Даже когда Оля учила его ходить на руках. Он, конечно, падал, зато смеялись все куры во дворе.

В тот день с утра припекало. Оля убежала с подружками на речку, но скоро вернулась — нос красный, губы поджаты.

— Фу, — сказала она, плюхаясь на крыльцо. — Вода холоднющая, как в проруби, только без льда. Одни лягушки рады.

— А я на крыльце сижу, — сказал Вовка. — Скукота.

— И у меня скукота, — вздохнула Оля.

Стали они смотреть, как бабушка Нина по хозяйству хлопочет. Бабушка у них красивая — тёмная коса до пояса, тяжёлая, как спасательный канат. Она как раз решила бельё погладить. Расстелила на огромном столе простыню — бе-

лую-пребелую, снег снегом. А стол в горнице старинный, на толстых ногах, пахнет от него воском и яблоками — так вкусно, что Вовка готов был под ним часами сидеть. Там, под столом, будто в пещере — темно, уютно, никого нет.

Бабушка пошла на кухню утюг греть. Утюг у неё чугунный, тяжеленный — маленький танк, не иначе.

— Вовка, — шепнула Оля, хитро прищурившись. — Хочешь, бабулю разыграем?

— А как?

— Видишь банку на полке? Там у дяди Валеры пластиковые мухи для рыбалки. Положим их на простыню. Бабушка сначала испугается, а потом как засмеётся!

Вовка представил: бабушка машет руками над простынёй, а они с Олей хохочут под столом. Картинка была смешная.

— Давай! — сказал он и полез на стул с такой скоростью, будто за ним гнался тигр.

Они достали трёх блестящих, будто мокрых, зелёных мух. Оля расставила их на белоснежном полотне. Получилось очень похоже — мухи как мухи, только не двигаются.

— А теперь быстро под стол! — скомандовала Оля.

Они юркнули в «пещеру» и затаили дыхание. Из щели между ножек стола Вовке было видно, как входит бабушка.

Она поставила утюг на подставку, поправила простыню и... ахнула.

— Ой! Бесстыдницы! Не успела я отойти, а вы уже налетели! Кыш! Кыш отсюда!

И давай махать руками. Машет, машет — а мухи ни туда ни сюда. Бабушка даже нагнулась, пальцем погрозила:

— Ах вы, наглые какие! Кыш, кому говорю!

Тут Вовка не выдержал. Смех вырвался у него тоненьким, почти мышиным писком. Оля толкнула его в бок, но бы-

ло поздно — её тоже разобрало. Из-под стола послышалось сдавленное хихиканье — сначала тихое, потом всё громче, как будто там завёлся целый выводок весёлых хомячков.

Бабушка услышала. Выпрямилась, прижала руки к груди — и вдруг как закричит:

— Ой! Сердце! Ой, помираю!

И попятилась назад, натываясь на стулья. Потом села на кровать — тяжело так, с размаху, — и вдруг завалилась на бок, свесив руку, и замерла в неестественной позе. Глаза закрыты. Рот приоткрыт.

Вовка похолодел. Сердце ухнуло вниз, как с горки на санках.

— Бабушка! — закричал он и вылетел из-под стола. — Бабушка, тебе плохо?

Оля выскочила следом, трясёт бабушку за плечо:

— Бабуля! Мы больше не будем!

И тут бабушка приоткрыла один глаз. Улыбнулась. Села и засмеялась.

— Ах вы, мои дорогие! Испугались-то как! Вы бы свои лица видели!

— Бабушка! — закричала Оля. — Это нечестно! Мы же по-настоящему испугались!

— А я, по-вашему, не по-настоящему испугалась, когда мух увидела? — ответила бабушка, вытирая слёзы. — Стою, машу, а они не улетают. Досадно. А потом слышу — под столом хохочут. Ну, думаю, сейчас и вы посмеётесь.

Она встала, подошла к столу, собрала пластиковых мух в банку и поставила её на полку повыше.

— Так что давайте договоримся, — сказала бабушка. — Шутить — можно. Но так, чтобы смешно было всем. А если кто-то один испугался, кому-то больно или обидно — то это уже не шутка. Поняли?

— Поняли, — хором сказали Вовка и Оля.

— А теперь помогайте гладить, — бабушка взялась за утюг. — А то мне одной с такой весёлой компанией не управиться.

Они взялись за края простыни, и пока утюг скользил по белоснежному полотну, бабушка рассказывала, как в её детстве они подкладывали в кровать лягушку, а прабабушка в ответ окатила их водой из корыта. И ничего, все живы-здоровы.

Вечером они пили чай с баранками. Вовка залез на колени к бабушке, прижался и сказал:

— Бабуль, а ты завтра опять землянику принесёшь?

— Принесу, — ответила бабушка. — Если вы с Олей можете. А то я одна не управлюсь — мух отгонять надо. А они, знаешь, какие хитрые попались — пластиковые, ничем не возьмёшь.

Все засмеялись. И Вовка подумал: «Здорово, когда бабушка не обижается, а сама шутит».

Он ничего не обещал вслух. Просто заснул у неё на руках под тихое бабушкино пение.

ПРИШЁЛ ЧАСОВОЙ МАСТЕР?

В один из погожих выходных Вовка с мамой отправились в гости к маминой сестре, тёте Тамаре, и её мужу, дяде Валере. Дядя Валера был человеком внушительным — почти двухметрового роста, широкоплечий, настоящая гора. Говорил он густым басом, и когда смеялся, стёкла в серванте начинали тихонько звенеть. Вовка, которому уже стукну-

ло шесть, дядю Валеру немножко побаивался, но при этом очень любил. Потому что за этим суровым видом скрывалась уйма доброты: дядя Валера мог одним движением подкинуть Вовку до потолка, так что люстра вздрагивала, а потом поймать и посадить на плечо — оттуда весь мир казался игрушечным.

А ещё Вовка обожал тётю Тамару. В её доме всегда пахло чем-то съедобным и счастливым: то пирогами с вишней, то борщом, от которого у Вовки начинало урчать в животе ещё до того, как он видел тарелку. И тётя Тамара никогда, слышите, никогда не отпускала гостей без чая с лимоном и домашнего варенья. «У нас не вокзал, — говорила она. — Сначала подкрепитесь».

В тот день было особенно здорово. После сытного обеда взрослые ушли на кухню пить кофе, Аня, двоюродная сестра, убежала к подруге, а Вовка остался в гостиной один. Один — это вам не просто один. Это значит: никто не говорит «не трогай», никто не дёргает за руку. Целое королевство.

Он тихонько стал рассматривать стенку из тёмного дерева. Такие стенки назывались «стенки-горки», и в них жили красивые безделушки: фарфоровые собачки, хрустальные бокалы, статуэтка оленя, на котором Вовка всегда хотел поскакать, но нельзя. И ящики. Много ящиков.

Вовка открыл один — там лежали салфетки. Открыл другой — там оказались старые фотографии. А в самом даль-

нем, в самом нижнем, под стопкой вышитых платочков он нащупал что-то твёрдое и холодное.

Часы! Электронные, на чёрном резиновом ремешке. С большим зелёным циферблатом. Вовка нажал на кнопку сбоку — и циферблат засветился таинственным зелёным светом, как светлячок в банке.

«Ничего себе, — подумал Вовка. — Как у космонавта!»

Он покрутил часы в руках, надел на запястье — ремешок был длинный и болтался, как слоновий хобот. Снова нажал на кнопку. Зелёный огонёк загорелся опять. Это было до того здорово, что забылось всё на свете: и то, что часы чужие, и то, что надо спросить разрешения. Мысль о «спросить» просто не пришла ему в голову — как если бы вы попросили слона пролезть в игольное ушко. Неприличная мысль для такого интересного момента.

Вовка сунул часы в карман куртки. Сердце забилося быстро-быстро — не то от радости, не то от какого-то противного щекотного чувства внутри. «Я потом скажу, что нашёл, — решил он на всякий случай. — Или просто покажу маме, а она разрешит оставить».

Вскоре мама стала собираться домой. Тётя Тамара сунула Вовке пакетик с печеньем, дядя Валера потрепал его по затылку огромной ладонью — голова у Вовки заходила ходуном, будто он кивал сто раз подряд — и сказал: «Приходи

ещё, богатырь».

По дороге Вовка всё время держал руку в кармане. Часы были прохладные, гладкие. Он сжимал их, и внутри опять разгоралось то противное щекотное чувство. А потом его осенило, как молния: «Мама же спросит, откуда они! Я скажу — нашёл. Где нашёл? Ну... на поле!»

И тут, проходя через большое футбольное поле, где трава уже пожелтела, а кое-где валялись старые бумажки, Вовка разыграл целый спектакль.

— Мам, погоди! — крикнул он. И споткнулся — прямо как по-настоящему, даже коленку задел. Наклонился, пошарил в траве, быстро вытащил часы из кармана и положил на землю. Потом поднял их и закричал как можно удивлённее:

— Смотри! Часы! Я нашёл часы!

Честно говоря, он немного переиграл: голос у него стал тонкий и писклявый, как у котёнка, которому наступили на хвост. Но мама не заметила. Она взяла часы, повертела.

— Хорошие часы. Наверное, кто-то потерял, бедный человек, расстроится.

— А раз я нашёл, они теперь мои? — спросил Вовка, затаив дыхание. Сердце колотилось так, что казалось — сейчас выскочит из рубашки и побежит по полю.

— Ну... — мама задумалась. — Если никого вокруг нет... И мы не знаем, чьи они... Ладно, бери. Только смотри, не сломай.

Вовка выдохнул. Ура! Теперь всё честно. Он ведь их на-

шёл, правда? Ну, почти. Немного не совсем. Но всё равно.

Дома он сиял как начищенный самовар. Показал часы бабушке Нине, папе, сестре Оле. Щёлкал кнопкой, демонстрировал зелёный свет, рассказывал, как «нашёл их на поле». Бабушка ахала, папа улыбался, Оля завидовала. Вовка чувствовал себя героем.

Но геройство длилось недолго.

После ужина зазвонил телефон. Мама сняла трубку, послушала, и её лицо стало каменным, как у той статуэтки оленя.

— Да, Валера... Электронные, на чёрном ремешке, со светящимся циферблатом? — Она посмотрела на Вовку. — Да, у нас... Вовка нашёл их на поле... Нет, не знал, что твои... Да, конечно, мы привезём. Извини, пожалуйста.

Мама положила трубку. В комнате стало тихо, как в аквариуме. Даже мухи перестали жужжать.

— Вовка, — сказала мама очень спокойным голосом — таким спокойным, что он испугался больше, чем если бы она кричала, — это часы дяди Валеры. Он искал их весь вечер.

Они лежали в ящике, под салфетками.

Вовка почувствовал, как пол уходит из-под ног. «На поле. На поле. На поле» — закрутилось в голове, как пластинка, которая заела.

— Я... я не украл! — залепетал он. — Я просто взял посмотреть... А потом... ну, показалось, что нашёл...

Папа вздохнул и сел рядом. Он не ругался, а просто положил руку Вовке на плечо — рука была тяжёлая, как бревно.

— Понимаешь, — сказал папа медленно, как будто разжёвывал каждое слово, — когда берёшь чужое без спроса — это уже не «просто посмотреть». Даже если хотел вернуть. Хозяин переживает, ищет, места себе не находит. А ты ещё и придумал историю про «нашёл». Теперь дяде Валере обидно, тёте Тамаре стыдно за тебя, а маме... маме очень грустно.

Вовка устался в пол. На ковре было красное пятно, на которое он раньше никогда не обращал внимания. Сейчас он готов был рассматривать это пятно всю ночь, лишь бы не смотреть папе в глаза.

— Завтра поедem и вернём часы, — сказала мама. — И ты сам всё расскажешь дяде Валере. Честно. Как было.

— А если он меня... — прошептал Вовка. — Он такой большой...

— Он добрый, — сказала мама. — Но врать не любит.

Ночью Вовка долго ворочался. Часы лежали на тумбочке — он не решился их даже надеть ещё раз. Зелёный светящийся циферблат глядел на него как чужой глаз. «Зачем я это сделал? — думал Вовка. — Они бы и так, наверное, дали поиграть. Сказал бы: дядя Валера, можно я посмотрю? И он бы разрешил. И не надо было бы врать».

На следующее утро дорога к дому тёти Тамары оказалась удивительно короткой. Вовке казалось, что он идёт на эшафот — слово он вычитал в книжке про рыцарей, и сейчас

оно очень подходило. В руке он сжимал часы — резиновый ремешок стал тёплым от ладони.

Дверь открыл дядя Валера. Он был без майки, в одних тренировочных штанах, и его огромные плечи загораживали весь дверной проём. Вовка сразу стал маленьким-маленьким, как гномик.

— Ну, — сказал дядя Валера без улыбки, — пришёл часовой мастер?

Вовка сглотнул. Комок в горле был размером с кулак.

— Дядя Валера... — начал он и замолчал. Губы не слушались. — Это я... взял часы. Без спроса. И соврал, что нашёл. Простите, пожалуйста. Я больше никогда-никогда не буду брать чужое.

Он протянул часы. Рука дрожала.

Дядя Валера взял часы, покрутил, нажал на кнопку — циферблат засветился зелёным. Потом он вдруг усмехнулся — сначала одним уголком рта, потом другим. И его усы зашевелились, как две весёлые гусеницы.

— Ну, раз ты сам пришёл и сам признался — это половина дела, — сказал он своим басом, от которого у Вовки задрожало в ушах. — А вот если бы ты молчал и дальше врал — тогда была бы беда. А так... Тётя Тамара пирог с капустой из духовки вытащила. Идём чай пить. Часы — они железные, не обидятся. А вот доверие... доверие, брат, дороже.

Вовка посмотрел на дядю Валеру. Страх ушёл, осталась только благодарность. И ещё — твёрдое обещание самому

себе: больше никогда-никогда. Даже самые красивые часы на свете не стоят того, чтобы из-за них чувствовать себя предателем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.